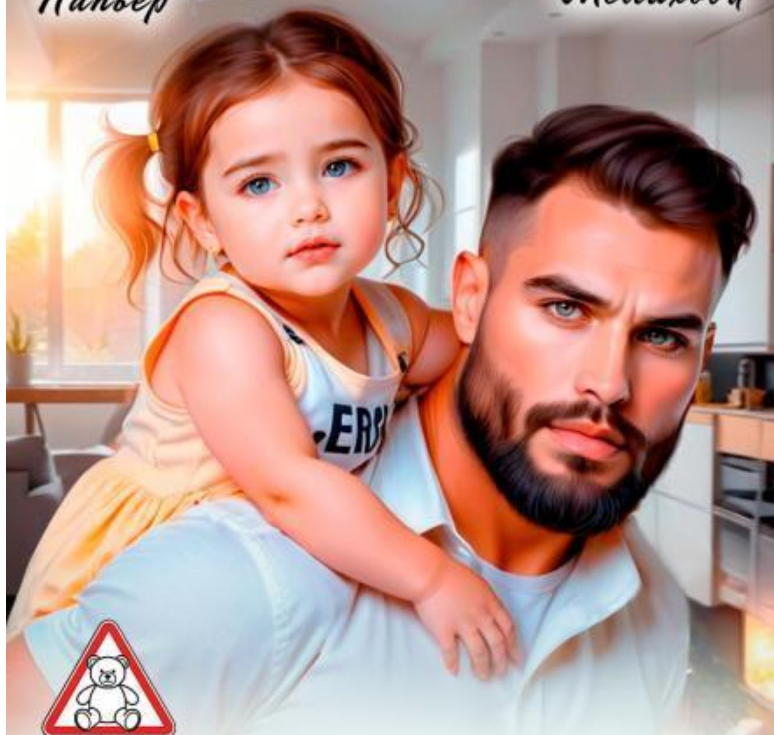

ХАРЛИ
Напьер

ЮЛИЯ
Мелихова

ИЩУ ЖЕНУ
СРОЧНО!

Харли Напьер Ищу жену. Срочно!

<https://litres.ru/74212878>

Аннотация

– Тебе срочно нужна жена... Иначе ребенка у тебя заберут.

– Так давай! Завтра и поженимся!

Михаил спасатель. Он бесстрашно бросается в огонь и справляется с любыми катастрофами. Но его спокойная холостяцкая жизнь превращается в зону бедствия, когда в нее врывается трехлетняя племянница, оставшаяся без опеки.

Гора немытой посуды, хаос в квартире и полная беспомощность перед детскими слезами — это тот пожар, который он не в силах потушить.

Кто ж знал, что первой на помощь ему придет чудаковатая соседка, с вагоном своих проблем...

Смешная, тёплая и слегка сумасшедшая история о том, как найти семью и любовь, даже если жизнь летит под откос.

Книга выходит в рамках литмоба “Папа может все”.

Содержание

Глава 1 Михаил	4
Глава 2 Михаил	8
Глава 3. Михаил	11
Глава 4 Михаил	16
Глава 5 Михаил	20
Глава 6 Михаил	24
Глава 7 Михаил	28
Глава 8 Михаил	32
Глава 9 Михаил	36
Глава 10 Михаил	41
Глава 11. Михаил	44
Глава 12. Михаил	50
Глава 13. Михаил	56
Глава 14. Михаил	60
Глава 15. Михаил	64
Глава 16. Гуля	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1 Михаил

Интуиция меня никогда не подводила. И сейчас, когда я только въезжаю в пригородный поселок, пробираясь по узким улочкам старых ветхих деревянных бараков, я это понимаю сразу. Какое-то седьмое чувство встаёт на дыбы, и я всматриваюсь в низкий забор, за которым живет семейка моего сводного братца. Дал бог родню...

— Семен! — вылетаю из машины сразу и в пару шагов преодолеваю дорожку к дому. — Галь? — ору на весь двор.

Но в ответ мне только тишина.

Дергаю ручку — открыто.

Вновь зову брата и его жену, но... тишина.

По привычке стараюсь глубоко не вдыхать вонь этого гадюшника, быстро осматриваю комнаты — пусто.

На кухне бардак. Куча тарелок с засохшей жратвой, кусок чёрствого хлеба на столе.

Опять забухали?

Меня не было в городе две недели. Учеба, сборы, оставил этих алкашей одних.

В голове одна мысль: найду — морду набью.

Но сначала — Вика. Где она, чёрт возьми?

Дом как помойка: холодно, сентябрь на дворе. Пол усыпан мусором — окурки, фантики, бутылки.

Ветер свистит через щели в окнах. Это не дом, а сарай для

скота.

Слышу шорох и грохот. Тихий, но... Звуки из спальни. Там же только кровать и шкаф.

Подхожу, рывком открываю дверцу. И замираю.

Сидит, свернувшись в комок, в куче старых шмоток и рвань.

Босая, на дворе осень, а в доме дубак — я сам в куртке мёрзну. Её пижама, когда-то, видать, розовая, теперь серая от грязи, с пятнами какой-то липкой дряни.

На щечке бледной царапина, будто кошка зацепила, колёнки в ссадинах — похоже, ползала по этому грязному полу. Волосы — вообще кошмар. Светлые кудряшки сваялись в колтуны, торчат, как гнездо у вороны, в них застряли какие-то крошки.

Она обнимает ободранного плюшевого мишку, у которого глаз висит на нитке, и смотрит на меня. Глаза — огромные, голубые, напуганные.

— Дя-дя Ми-и-са? — пищит дрожащим голосочком. — Они усли... Сказали, скова вевнуца. Я здала-здала, а потом спяталась, потому сто ства-а-сно! Мы боимся.

Тычет мне в лицо своего драного медведя, пальцы чёрные от грязи, ногти обломаны.

Сколько же ты одна тут?

— Молодец, Викусь, — бурчу я, садясь на корточки. — Храбрая, раз спряталась.

В голове крутится: Семён, Галя, вы мрази. Бросить ребён-

ка в холодном доме, без еды, босую? Сколько она тут одна? И ночью была одна? Голодная?

Она хихикает, шмыгает сопливым носом, вытирая его рукавом. Животик урчит так громко, как движок моей машины.

Голодная. Босые ноги дрожат, ступни в грязи, с мелкими царапинами. Накидываю на нее одеяло с кровати.

Оно воняет, пипец...

Это не просто безответственность — это преступление. Оставить такую крошку одну... она же мелкая, шустрая, вечно лезет куда не надо, но такая родная, что сердце щемит.

— Дядя Миса, я хочу кусать, — шепчет она, — Макавоны с сы-ы-лом! Хлеб твелдый, а больсе ничего нет. — Тараторит, как пулемёт. — Мы с Потапычем давно не ели.

Беру её на руки, она лёгкая, как котёнок, цепляется за мою куртку. Пахнет пылью и чем-то кислым, но я прижимаю её крепче. Выкидываю протухшее одеяло и закутываю ее в свою куртку.

— Дядя Миша заберёт тебя. Поедем ко мне, поедим, что захочешь.

Она кивает, зарываясь носом в мою куртку, и пищит:

— А мама? Папа? Они не будут лугаца? Они зе пидут, а миня нет... — и я качаю головой. Врать не хочу, но что сказать? Что её родители — конченные алкаши, которые бросили её в этом сарае?

— Они... заняты, — выдавливаю я. — А мы с тобой —

команда. Как Маша и Медведь, поняла? Ты — Маша, я — твой медведь.

— Ми-ска! — хихикает она, тыча мне в щёку. — Колю-учий! Как ёзик! А у тебя есть жена? Чтоб косички делала! А то мои исполтились узе. — Показывает на свои колтуны и морщит нос расстроенно.

— Ах-ха-ха! Косичек не обещаю, не умею.

Я ржу. Жена? Да у меня в жизни только работа сутками и одиночество. Сажаю Вику на заднее сидение, ремнем пристегиваю, проверяю, что бы крепко держал, укутываю своей курткой — она ей до пят, но хоть согреет. Она вертится, как юла:

— Дя-дя Мис, Потапыч упал, я без ниво нимагу, дай! — поднимаю игрушку с земли, отряхиваю, подаю ей страшного медведя в ручонки. — Шпасиба! — улыбается так искренне... что... сердце проваливается куда-то в живот.

Глава 2 Михаил

Дома... пожрать у меня, конечно, нечего. Я там не был две недели. Волшебной палочки у меня нет и забить холодильник я никак не успею.

А у меня в машине голодная кнопка. У которой живот урчит, как у взрослого мужика.

Сколько она не ела? День - два? Или больше?

От этих мыслей на меня вновь злость накатывает! Сжимаю пальцами оплетку руля до хруста и успокаиваюсь тут же. В зеркале заднего вида вижу малышку: обнимает своего драного Потапыча, колтуны на голове торчат в беспорядке. Спит, свернувшись калачиком, ресницы подрагивают. Вид у неё – будто через войну прошла, но всё равно милая, зараза. Сердце щемит, но я тут же вспоминаю Семёна с Галей. Мрази. Бросить ребёнка в том сарае, голодную, босую? Да я бы их... Ладно, хватит. Надо думать, что делать с Викой.

Гляжу на дорогу, хаос и круговерть: за что хвататься и что вообще делать?

Так, какой там у меня холостяцкий арсенал? Банка тушёнки, пара яиц, да, может, кетчуп завалялся. И то... не факт.

Чем её кормить? Макароны она просила, но я даже не знаю, есть ли у меня макароны. Готовить я умею так себе – яичницу, да пельмени кинуть в кастрюлю, и то половина слипнется. А Вика мелкая, ей нормальную еду надо.

Чёрт, это сложнее, чем тушить пожар. Гляжу в зеркало опять, она спит, губки бантиком чуть приоткрыты, сопит тихо. Уморилась там одна... намучалась... плакала теперь и маму звала...

Достаю телефон, пока стою на светофоре. Открываю приложение доставки, надо заказать что-то быстро.

Пицца? Все дети любят пиццу, вроде. Но она не ела толком ничего...вдруг нельзя?

Отметаю пиццу и выбираю суп куриный, пюре с котлетами, добавляю сок — она же про сок талдычила. Ещё салат овощной, вдруг зайдёт.

Отправляю заказ, а потом думаю: надо и продукты взять, а то завтра утром что, воздухом её кормить? Кидаю в корзину макароны, сыр, молоко, какие-то йогурты с картинками зверюшек — должно же ей понравиться. Хлеб, масло, курицу. Чёрт, я вообще не знаю, что детям можно. Ну, разберусь.

Телефон звонит, когда я уже паркуюсь у дома. Лёха, друган мой, как всегда вовремя. Суббота же, банный день. У нас с пацанами традиция — баня, шашлык, пиво. Сбрасывать не хочу, беру трубку.

— Мишаня, ты где? — орёт Лёха, как будто я в соседней комнате, а не в машине. — В баню давай, уже всё готово! Шашлык будет, девчонки — огонь, прикинь, пара моделей из фитнес-клуба! Ну, ты понял, без тебя не то.

— Лёх, сегодня не выйдет, — бурчу я, глядя, как Вика во сне чешет нос. — Дела.

— Дела? — Лёха аж задыхается от возмущения. — Ты чё, опять из-за нее? Она тебе все нервы вымотала, забей! Бросай это дело, Мишаня, приезжай, оттянемся! Тебя сколько не было, братка!?

— Не, Лёх, не могу, — обрываю я. Не хочу вдаваться в подробности, да и не время. — Завтра утром ко мне заезжай. Нужна помощь.

— Чё-о-о? Звягинцев, ты офигел что ли? — тянет он, возмущаясь еще сильнее. — У меня первый выходной за две недели, я собираюсь спать до обеда, а ты "утром ко мне"? Ты с ума сошёл? Что за фигня у тебя такая срочная?

— У меня ребёнок, Лёх, — говорю прямо. — Надо посмотреть. Так что чемоданчик свой захвати.

Лешка, хоть и не детский врач, но точно понимает, что надо делать. Он нам раны штопал еще по шальной молодости. Не зря в хирурги пошел.

На том конце тишина. Я прям слышу, как у Лёхи мозги скрипят. Он, видать, думает, что я шучу или рехнулся.

— Ребёнок? — наконец выдаёт он. — Ты чё, батя теперь? Это когда ты успел?

— Долго объяснять. Завтра приезжай, понял? — обрываю я, потому что Вика на заднем сиденье вдруг шевелится.

— Ми-и-са! — пищит она, просыпаясь, как будто сирена включилась. — Мне свочно надо в туалет! Попи-и-сать!

Глава 3. Михаил

Я только успеваю вытащить маленькую сонную егозу из машины, роюсь в поисках ключей, пока тащу свою ношу до подъезда, но слышу звук открываемой двери и...

— Женщина, подождите! — прошу хрупкую фигуру в черном придержать дверь. И пока захожу в подъезд, мельком смотрю на “соседку”, но под капюшоном худы вижу только поджатые губы и чуть вздернутый нос.

Она не говорит ни слова, просто держит дверь, и от неё веет чем-то свежим, как после дождя. Я бурчу “Спасибо” и, переступая через ступени, влетаю на второй этаж, чувствуя, как Вика ерзает в моих руках.

— Ми-и-са, я уже нимагу телпеть! — пищит мое чудо, её голосок дрожит, и я вижу, как она морщится, сжимая ножки.

— Вик, сейчас, терпи! Еще немного! — говорю я, ускоряясь. Ключи наконец находятся, пара щелчков — и мы внутри. Потом ванная комната.

— Голшок? Где? — спрашивает она.

А вот этого у меня отродясь не было. Чёрт, засада... об этом я не подумал. Со скоростью света импровизирую: ставлю перед унитазом ящик от машинки для стрижки, хорошо, что не выкинул!

— Вика, снимай штаны. Вот тебе взрослый горшок, — указываю на унитаз. — Вставай ногами на ящик, садись. Я

тебя держу и отворачиваюсь.

Помогаю Кнопке, крепко держа её теплые ручонки своими большими лапами. Её пальчики такие крошечные...

— Делай свои мокрые дела.

— Чиво? — переспрашивает она, моргая, и я фыркаю от смеха, несмотря на ситуацию.

— Писай, Вик.

Она задумывается, но справляется, и я слышу облегчённый вздох.

Когда всё кончено, помогаю ей спуститься, мою руки под краном — её ладошки в моих кажутся такими хрупкими, как птичьи крылышки.

"Ты молодец," — думаю я, вытирая ей руки полотенцем. Кого хвалю, а фиг знает? Она хихикает, когда я щекочу её ладонь, и на миг забываю про весь этот бардак, что внезапно наступил в моей жизни.

Мы уже в зале, и Вика, увидев мою плазму, смотрит на неё как на чудо света. Её глаза загораются, колтуны на голове трясутся, когда она подпрыгивает.

— Ого, она ваботает? — пищит она, тыча пальцем в экран.

Мда, её я купил как раз перед командировкой. И даже не успел ни одной катки в танки скатать, приставку не подключил, потому что был срочный сбор всей команды... А потом две недели в Сибири на пожарах, а мысли только о работе.

Я быстро нахожу какой-то мультик про маленькую прин-

цессу — яркий, с песенками, — и она замирает, прилипая к экрану, как магнитом.

Сидит на диване, обнимая Потапыча, и её губы шевелятся, повторяя слова героини.

В этот момент звонит домофон — доставка. Я бегу принимать пакеты, возвращаюсь на кухню. Запах еды разносится по квартире.

Перекладываю всё в тарелки, грею суп и пюре в микроволновке.

— Вика, иди кушать! — зову я.

Она подходит к столу, и я вижу, что её мордашка едва выглядывает из-за края. Она садится, а стол ей — по грудь. Грязные щёчки, ссадина на щеке, и эти глаза голодные, полные любопытства.

"Господи, она же как котёнок, которого подобрали с улицы," — думаю я, и злость на Семёна опять накатывает.

Как братец успел так накуролесить -то? Всего две недели меня не было в городе, а они же в завязке были! Я всем их друзьям печень отбил, стараясь хоть как-то наставить родственников на "путь истинный"

— Ну-ка, моя хорошая. — Я подкладываю ей на стул диванную подушку. — Так лучше?

Она довольно кивает, её косички (точнее, то, что от них осталось) болтаются. Ставлю перед ней тарелку с супом, и она берёт ложку неуклюже, но с таким удовольствием принимается за еду, что у меня самого аппетит просыпается.

Проливает пару капель, потому что спешит и с опаской на меня глаза поднимает и вся в комок сжимается. Вот же ж... сразу понимаю — ругали? Обижали? ДА я им, вот только найду!!!

— Ешь, ешь. Вкусно? — и получаю улыбчивый ответ глаз, пока вытираю стол, сажусь рядом, ем с ней за компанию. Она жуёт, болтает ножками под столом, рассказывает Потапычу про "вкусный супчик". Трогательно до слёз — такая кроха, а уже пытается быть взрослой.

Пока она ест, я смотрю на неё и думаю: "Её нужно испугать". Грязь на шее, в ушках, колтуны в волосах — сколько она не мылась? Сердце сжимается от жалости.

Заканчиваем трапезу, даже не добравшись до пюре, только котлету в прикуску с супом съела, и я беру племяшку на руки, несу в ванную. Она не сопротивляется, только зевает, её сонные глаза уже начинают слипаться.

Включаю воду, ставлю малышку в ванну. Начинаю отмы-
вать, осторожно тру мочалкой её спинку, коленки с ссадина-
ми, стараюсь не задеть царапины.

— Больно? — спрашиваю, а она качает головой.

Шампунь — это отдельный ад, колтуны они не поддаются, но я терпеливо расчёсываю пальцами, пока она мурчит песенку из мультика.

Всё мужское, с резким запахом, совершенно не подходящее для детей, а уж тем более для маленьких девочек.

После ванны Кнопка окончательно расслабляется, и глаз-

ки уже совсем не открываются. Я заворачиваю её в большое полотенце, вытираю насухо, она зевает, обнимая меня за шею.

"Нужно её переодеть. Но во что?"

Оставляю ее на диване перед мультиком.

Роюсь в вещах, нахожу старую футболку — самую маленькую, что есть. Но Вике она всё равно огромная, как платье. Приходится завязать её по бокам, чтобы не болталась. Стелю постельное на диван и укладываю её, накрываю пледом. Она тут же засыпает, тихонько сопя, сжимая в руках Потапыча.

Плетусь в душ, устал, пипец как. Смываю с себя усталость и напряжение этого дня. Вода горячая, бьёт по плечам, и я думаю: "Что дальше? Опека? Ужасаюсь сам этих мыслей, завтра надо брата искать. Скоро мне на работу, и куда деть племянку я пока ума не приложу. Чёрт, это не шутки."

Когда выхожу, то иду в спальню, чтобы одеться, и вижу её. Мою голодную, чумазую девочку — нет, уже чистую, мирно спящую на моей кровати, обнимая своего драного Потапыча. На её лице — спокойствие, уголки губ чуть приподняты, как будто снится что-то хорошее. Кажется, она впервые за долгое время спит не в страхе, а в тепле и безопасности. Я сажусь на край кровати, глажу её по светлым волосам — они ещё влажные, мягкие теперь, без колтунов.

И где мне спать-то?

Глава 4 Михаил

Просыпаюсь от резкой боли в спине, будто вчера мне пересчитали все ребра, как в молодые годы прям.

Пытаюсь разогнуться, позвонки хрустят, во рту пересохло, как в пустыне, а в голове гудит, словно шаманы всю ночь долбили в бубен.

Спал на диване, в позе, в которой нормальный человек только в гробу лежит. Моя холостяцкая берлога не рассчитана на такие подвиги.

Оглядываюсь — дверь в спальню открыта, я вчера не закрывал. Вика там, спит без задних ног, свернувшись калачиком под одеялом. Из-под него торчит только светлый хвостик её волос. Выглядит как маленький котёнок, который наконец нашёл тёплое место. Улыбаюсь, хотя спина ноет, и потихоньку прикрываю дверь, чтобы не разбудить.

Беру телефон, плетусь в ванную. Контрастный душ — единственное, что может привести меня в чувство. Горячая вода, потом ледяная — вроде отпускает, но в голове всё равно бардак.

Надо завтрак Вике готовить, а я даже не знаю, с чего начать. Сам-то я по утрам тренируюсь, потом протеин и кофе, и на работу. А что едят дети? Вспоминаю, как в детском саду нас кормили кашей. Фу, до сих пор передёргивает от той слипшейся овсянки, кинь ее на потолок, прилипнет и будет

висеть соплей. Но, наверное, для Вики кашу надо. Должен же я справиться с какой-то кашей?

На кухне роюсь в пакетах с доставки, что вчера привозили. Нахожу пачку овсянки, молоко, сахар, вроде всё есть. Ставлю кастрюлю, лью молоко, сыплю крупу.

В голове крутится: "Семён, мля, Галя, вы где, чёрт вас дерит?" Надо их искать. Он ведь год как не бухал! И Галка в божий вид пришла. Дитем занималась, цветы, даже, во дворе навтыкала, а брат крышу отремонтировал и собирался дом обшивать, утеплять. Шабашку себе нашел и деньги домой нести стал. Я уезжал, у них все нормально было! Вику домой вернуть надо, я же... Я вообще не знаю, что с ней делать!

Достаю телефон, открываю контакты — сначала позвоню в полицию, потом в больницы. Может, эти горе-родители загремели куда? Но... должны же были сказать, что дома ребенок один! И... тогда бы Вику у них забрали сразу. Уже было такое однажды, что ее чуть не забрали. Благо вмешался и брат одумался.

Звоню в ближайший участок, пытаюсь объяснить ситуацию. Тётка на том конце что-то бормочет про заявление, я пыхчу, пытаюсь объяснить, что дело срочное. В этот момент слышу шипение, чёрт, молоко убегает!

Кастрюля пузырится, белая пена лезет через край, заливают плиту. Я бросаю телефон на стол, хватаю тряпку, выключаю газ. Но это не всё, крупа пригорела, воняет горелым на всю кухню.

— Мля, да чтоб вас! — ругаюсь, открывая окно, чтобы проветрить.

Ну как, как можно так облажаться с кашей? Это же просто каша, а не сложное блюдо ресторанное!

Оборачиваюсь и вижу в дверях заспанную Вику.

Она стоит, потирая глаза, в моей футболке, смешная такая. Потапыч под мышкой, светлые волосы растрёпаны, бровки сдвинуты, как будто она решает мировую проблему. Серьёзная, не говорит ни слова.

— Доброе утро, — отвечаю приветливо, “надевая” улыбку. — Пойдем умываться, сейчас будем завтракать.

Веду её в ванную, включаю воду, помогаю умыть лицо. Она молчит, только шмыгает носом, но послушно трёт щёчки. Только щетки зубной у меня нет. Ладно, что там чистить? Все равно молочные выпадут скоро. Быстро решаем все остальные вопросы и возвращаемся на кухню.

Сажая её на стул, подкладываю вчерашнюю подушку. Ставлю перед ней тарелку с кашей — выглядит она так себе, комковатая, с лёгким запахом гари. Вика смотрит на неё подозрительно, и не двигается. Бровки всё ещё сдвинуты, губы поджаты.

Я делаю себе бутерброды — хлеб, сыр, колбаса. Ставлю тарелку на стол, и тут замечаю, как Вика пялится на них. Глаза голодные, но с такой осторожностью, будто боится, что отберут.

— Ешь, Викусь, — говорю мягко, подвигая тарелку с бу-

тербородами к ней. — Бери, это вкуснее каши.

Она опасливо тянется, берёт один бутерброд маленькими пальчиками, аккуратно откусывает, будто боится, что я передумаю. На меня косится, но голод побеждает. Жуёт медленно, тщательно, как будто это не бутерброд, а деликатес.

Я сижу напротив, ем свой. Но тут раздаётся резкий звонок в дверь. Вика вздрагивает, глаза становятся круглыми, бутерброд падает на стол, и она шустро ныряет под него, прижимая Потапыча к груди.

— Вика, всё нормально, — охреневаю от ее реакции.

Чёрт, что делать? Вытаскивать её или дверь открывать? Вдруг горе-родители явились?

Кулаки чешутся так, что я уже представляю, как вмажу Сёме по морде за то, что дочь бросили. Но она сидит под столом, дрожит, и я не знаю, как её успокоить. Если это брат, он пожалеет, что вообще родился.

**
 Приглашаю вас в новинку нашего моба!**

<https://litnet.com/shrt/cYFH>

Глава 5 Михаил

— Всё нормально, я пойду открою дверь, я ты будь тут,
— хотя сам не верю, что все у меня хорошо.

Ладно, иду к двери, надеясь, что это всё-таки брат, и я смогу выдать ему всё, что накопилось.

Открываю и вот он, Лёха, стоит, как привидение. Сонный, в солнечных очках, хотя на улице пасмурно, футболка мятая, волосы торчат, как у пугала. В руке держит докторский чемоданчик, старый, потёртый, с которым он таскается двадцать четыре на семь, потому что мы вечно встречаем куда-то. Снимает очки, а под ними глаза красные, как у вампира после ночной смены.

— Ты трезвый? — спрашиваю я, прищурившись.

— Ты придурок? Конечно, да, — фыркает он, ставя чемоданчик у порога и потирая щёку. — Просто... девочки были такие... ммм... что еле оторвался! И во всём ты виноват, Мишаня. Если б ты вчера в баню приехал, я бы не перебрал с... впечатлениями. Дай пройти, без кофе я не оживу. И где ребёнок? Давай, выкладывай всё!

Я только руками развожу, пропуская его в квартиру. Он хватает свой чемоданчик, как будто боится, что я его стырю, и тащит за собой. Идём на кухню, и тут Лёха замирает.

Из-под стола торчит белобрысая макушка Вики, её светлый хвостик, который я вчера еле в вид человеческий при-

вел. Лёха смотрит то на макушку, то на меня, очки в руке болтаются, челюсть чуть не падает.

— Ты чё, взрослого ребёнка где-то украл? — шепчет он, тыча пальцем в сторону стола.

— Ш-ш-ш! — шикаю я, бросая на него хмурый и серьёзный взгляд. — Не ори, спугнёшь.

— А я и не ору.

Сажусь на корточки, заглядываю под стол.

Вика сидит, прижав Потапыча к груди, глаза огромные, как у котёнка, которого загнали в угол. Смотрит на меня, потом на ноги Лёхи и торчащий чемоданчик, и снова на меня — пугливая, но любопытная. Я тяну к ней руки: — Викусь, вылезай, всё нормально. Это Лёша, мой лучший друг. Хороший муж... дядя, не бойся.

Она мотает головой, прижимаясь к ножке стола, будто это её крепость. Я пытаюсь ещё:

— Викуля, он добрый, как... как мишка из твоего мультика. Давай, вылезай, познакомлю вас.

Она опять мотает головой, бровки сдвинуты, губы поджаты.

Чёрт, что делать?

Вспоминаю, что Лёха сладкоежка, у него всегда конфеты в карманах, как будто он кондитерскую ограбил. Поворачиваюсь к нему:

— Лёх, конфеты есть?

Он ухмыляется, ставит чемоданчик на пол, роется в кар-

мане и достаёт яркую карамельку в блестящем фантике.

— Поделюсь, так и быть, с самой смелой девочкой, — говорит он погромче, подмигивая. — Эта конфета для тех, кто не боится. Сила от неё — ого-го, огромная!

Я беру конфету, показываю Вике. Она выглядывает из-под стола, как пугливый зверёк. Сначала высовывает только носик, потом половину лица, но тут же ныряет обратно, будто проверяет, не обидем ли. Я держу конфету поближе, шепчу:

— Викусь, это тебе. Самая смелая, да? Бери, не бойся.

Она снова выныривает, как суслик из норки, туда-сюда, то покажется, то спрячется. Глаза то на конфету, то на Лешкины ноги, то на меня — осторожная, но соблазн побеждает. Маленькая ручка тянется, быстро, как мышка, хватает конфету и — шмыг! — обратно под стол.

Но через секунду слышу шуршание фантика, а потом тихое чмокание — жуёт, зараза.

Осмелев после сладкого, вылезает потихоньку, прижимаясь к моей ноге, как котёнок к хозяину.

Стоит, прячась за мной, сжимает Потапыча и оставшуюся часть конфеты, чмокает, глядя на Лёху исподлобья. Я глажу её по голове, а она даже не улыбается, держится за мою штанину.

Лёха смотрит на неё, потом на меня, и шепчет, ткнув в свой чемоданчик:

— Мишаня, ты серьёзно? Ты где дитя взял? Рассказывай,

что за хрень тут творится.

Наши прекрасные! Сегодня будет еще одна глава, а пока, приглашаем вас в еще одну новинку нашего моба)

Притворись её мамой

Зоя Астэр

<https://litnet.com/shrt/SJnc>

Глава 6 Михаил

Я киваю, стараясь не дёргаться, чтобы не спугнуть Вику. Она и мне-то доверяет с оглядкой, а Лёха для неё вообще чужак. Огромный дядька грозного вида.

Надо её как-то выманить, чтобы Лёха, как врач, проверил, всё ли с ней нормально.

— Лёх, — говорю тихо, — она пугливая, видишь? Не ори, не маши руками. Надо уговорить её, чтобы ты посмотрел её ссадины, коленки. Работай, доктор. Ты что с детьми никогда не работал?

Лёха фыркает, но присаживается на корточки, ставя чемоданчик на пол. Вика вжимается в мою ногу ещё сильнее, её пальчики дрожат, и я чувствую, как она напряжена, готовая бежать, как пить дать! Я б точно дернул, увидев такого бородача.

— Викусь, — начинаю я мягко. — Дядя Лёша хороший. Как доктор из сказки, что зверят лечит. Коленочки ему покажешь? Он посмотрит, чтоб не болели.

Она мотает головой, бровки сдвинуты, губы поджаты — ни слова, только взгляд, полный подозрения. Лёха пробует:

— Эй, Вика, я ж не страшный. У меня в чемоданчике всякие штуки, как в волшебной коробке, — говорит он, улыбаясь. — Хочешь глянуть?

Вика снова мотает головой, ещё резче, шмыгая носом.

Чёрт, не идёт. Я бросаю Лёхе взгляд: "Тормози".

Вдруг чувствую, как Вика дёргает меня за штанину, сильнее. Гляжу вниз, она показывает пустой фантик от конфеты. Глаза блестят, но с той же недоверчивостью, будто боится, что отругаю.

— Ещё хочу, — пищит она тихо, тыча фантиком.

— Викусь, — говорю я, видя шанс. — Дадим ещё конфету, если ты выйдешь и дашь дяде Лёше на тебя, такую красивую девочку, посмотреть. Ну, давай, смелая?

Она замирает, думает, глядя то на меня, то на Лёху. Бровки всё ещё сдвинуты, но хватка на штанине слабеет.

Медленно, как зверёк из норки, отпускает мою ногу и выходит вперёд, но близко к Лёшке не подходит. Стоит в шаге от меня, обхватывает мою руку своими маленькими ладошками, будто я её щит.

Переводит глаза с меня на Лёху, потом на чемоданчик, и молча, без слов, просит конфету. Протягивая пустую ладонь.

Лёха, почуяв прогресс, ухмыляется и роется в кармане.

— Окей, Вика, конфета за смелость, — говорит он, доставая новую карамельку в красном фантике. — Но дай мне посмотреть твои коленки, ладно? Чтоб твой Миша убедился, что всё хорошо.

Вика выпучивает глаза, мотает головой так, что хвостик болтается, и вцепляется в мою руку сильнее.

— Нет! — пищит она дрожащим голосом.

— Викусь, всё нормально, я рядом, — пытаюсь я, глядя

её по голове. — Дядя Лёша просто посмотрит, ну, давай? Посмотри какая конфета вкусная.

Лёха кивает, показывая карамельку:

— Самая смелая девочка получит, — подмигивает он. — Только дай мне глянуть, как там твои ссадины.

Вика смотрит на конфету, потом на меня, и, подумав, нехотя кивает. Я протягиваю ей карамельку, она хватает её, быстро, и начинает шуршать фантиком.

Лёха, решив, что дело в шляпе, открывает свой чемоданчик. Щелчок замка и, Вика вздрагивает, вновь похныкивать начинает. Тихо так... как котенок мяучит.

Он достаёт фонендоскоп, вешает на шею, и её глаза становятся ещё больше.

— Это просто, Вика, — говорит Лёха, улыбаясь. — Послушаю, как твоё сердечко бьётся. Надо только маечку чуть поднять.

Вика хнычет громче, отступает назад, прижимаясь ко мне. Лёха, не замечая её страха, увлеченно и быстро роется в чемоданчике и достает упаковку шприцов, откладывает в сторону и ищет опять что-то.

Хныканье переходит в громкий плач, на невероятно громких нотах. Она вырывает руку из моей и прячется за меня, вцепившись в штанину.

— Лёх, чёрт, убери это! — шиплю я, чувствуя, как сердце сжимается. — Она боится, не видишь?

— Да я ж... — Лёха растерянно смотрит на шприцы, по-

том на Вику. — Я салфетки искал! Без спирта!

Я опускаюсь на колени, пытаюсь обнять Вику, но она отстраняется, ревёт, шмыгая носом, прижимая Потапыча к лицу.

Млин, Сема... Халя! Черт вас подери!

Что они с ней сделали, что она так боится?

— Викусь, всё, всё, никто тебя не тронет, — шепчу я, глядя её по голове. — Дядя Миша рядом. Не плачь, моя хорошая.

Она смотрит на меня сквозь слёзы, всё ещё всхлипывая, но чмокает конфетой, которую так и не выпустила. Лёха, чувствуя вину, убирает шприц в чемоданчик и бормочет:

— Миш, она худая, бледная, надо бы её нормально осмотреть. Но как?

Я качаю головой, чувствуя, как Вика доверчиво прижимается ко мне, всё ещё дрожа. "Надо время," — думаю я. Но.. какое время? Какие дети? Мне на работу через четыре дня! Эта мелкая боится всего. Как Маугли! И от этого мне еще больше хочется размазать Сему по стене! Что произошло пока меня не было? Или меня за нос водили?

Нежданное счастье майора Громова

Таня Поляк, Татьяна Каневская

<https://litnet.com/shrt/nHwA>

Глава 7 Михаил

Вика голосит, как сирена на пожаре, и я стою, как дурак, не зная, куда бежать.

Чо делать-то?!

Она прижимает Потапыча к груди, мотает головой так, что хвостик летает, и вжимается в угол кухни, не подпуская никого.

Даже мне, чёрт возьми, не даётся, отталкивает мои руки, когда пытаюсь её обнять.

Её глаза полны слёз, хрустальных, как в кино, и каждый всхлип режет меня, как нож по-живому. Я чувствую, как ком в горле встаёт, злость на родственничков кипит внутри, а жалость к этой крохе душит.

Как она боится, бедная, после всего, что они с ней сделали! А я ни черта не знаю, что они сделали с ребенком! Пытались что ли?

Лёха, с его дурацким чемоданчиком, стоит рядом, растерянный, как первокурсник на вызове, и только бормочет:

— Миш, ну давай, успокой её как-нибудь.

— Как "как-нибудь"? — огрызаюсь я, голос срывается от беспомощности. — Ты врач, ты и давай!

Вика ревёт ещё громче, слёзы катятся по щекам, и я вижу, как она дрожит, прижимая медведя к лицу.

Жалко её до слёз, такая маленькая, а уже столько страха

натерпелась. И нас жалко, двух взрослых мужиков, которые стоят, как идиоты, и не могут справиться с трёхлетним ребёнком. Я пытаюсь подойти ближе:

— Викусь, всё, всё, успокойся, моя хорошая. Никто тебя не тронет.

Но она мотает головой, прячется за стулом, как будто я враг. Сердце сжимается, ну почему она мне не доверяет? Я ж стараюсь, чёрт возьми! Лёха, видя мою панику, вмешивается:

— Давай я дам ей лёгкое успокоительное, — предлагает он, потянувшись к чемоданчику. — Укол, и она уgomонится.

— Ты с ума сошёл? — рычу я, хватая его за руку. — Укол? Ей, ребёнку? Она и так от твоих шприцов в истерике! Нет, даже не думай!

— А что делать, Миш? — вспыхивает Лёха, красные глаза от недосыпа сверкают. Вампир, ей богу! — Она ревет, будто мы ее расчлняем, а мы стоим, как два болвана! Ты ж не знаешь, как с детьми! Давай позвоним кому-нибудь, кто умеет!?

— Кому? — шиплю я, чувствуя, как потею от нервов. — У меня таких нет на примете!

Вика всё это время ревет, её плач эхом отдаётся в голове, и я на грани: сердце колотится, руки трясутся.

Что делать с плачущими детьми?

Это не пожар тушить, не людей вытаскивать из завалов, тут я полный ноль! Жалко нас всех: Вику, которая боится всего на свете, и нас, двух здоровых лбов, которые не могут

с ней справиться.

И тут — звонок в дверь.

Чёрт, доставка!

Я ж заказывал игруху для приставки ещё в командировке. Телефон на столе тоже разрывается, кто-то звонит, но я не могу оставить Вику.

Она ревёт, вцепившись в Потапыча, а я мечусь, как зверь в клетке.

Дверь, телефон, Вика — что делать?

Звонок в дверь прекращается, и я с досадой думаю: "Ну всё, уплыла моя посылка, теперь ищи её по пунктам выдачи!" Ладно, плевать на игру, надо Вику успокоить.

— Викусь, ну давай, попей водички, — пытаюсь я, протягивая стакан, но она отмахивается, чуть не опрокидывая его, и плачет ещё обиженнее, слёзы хрусталём катятся по щекам. Лёха, тоже на нервах, бормочет:

— Миш, она же как Маугли, боится всего. Может, позвонить кому, кто с детьми умеет? Женщину какую-нибудь позovem?

Я фыркаю, потому что единственная женщина, кому я мог бы позвонить, это моя бывшая, Ленка, которая всю кровь мне попила. С детьми она ладит так же, как я с готовкой каши — то есть никак. Она всегда говорила что животные лучше детей. Собаку беспризорную накормит, а чужие дети ее раздражают.

— Кому звонить, Лёх? — огрызаюсь я. — У меня таких

на примете нет!

Вика всё голосит, и я чувствую, как шизею от беспомощности. Сердце колотится, в голове бардак.

Лёха, пытаясь помочь, предлагает:

— Давай я дам ей лёгкое успокоительное, — повторяет он. — Без укола, таблетку или сироп.

— Нет! — рывкаю я, злость накачивает. — Ты её и так напугал своими инструментами! Дай ей время, не дави!

— Время? — вспыхивает Лёха. — Она в истерике, Миш! Мы не можем так оставить! Может есть какой-то телефон доверия или помощи отцам-одиночкам? Должен же быть?!

Вика ревёт, её плач эхом отдаётся в голове, нервы на пределе.

И тут опять звонок в дверь: резкий и настойчивый.

— Да что ж такое! — начинаю психовать, чувствуя, как нервы лопаются.

Кто там ещё? Встаю, бросая взгляд на Вику, которая всё ещё ревёт, и на Лёху, который разводит руками.

— Сейчас. Сейчас я им позвоню...

Так позвоню, что не поздоровится!

Папа. Мы все уронили...

Лера Корсика

<https://litnet.com/shrt/3LМа>

Глава 8 Михаил

— Лёх, сделай хоть что-то! Включи ей мультик, чёрт возьми!

Он кивает, суется, хватая пульт от телевизора, но Вика только мотает головой, вжимаясь в угол кухни, сжимая Потапыча так, будто он её последняя надежда.

— К маме хочу! — кричит она, голос дрожит, слёзы хрустальём катятся по щекам. — К маме!

Хрен с ним, подождут!

Я опускаюсь на колени, пытаюсь поймать её взгляд:

— Викусь, всё, всё, дядя Миша рядом, — бормочу я, но голос срывается, потому что я сам на грани. Жалко её до слёз — маленькая, перепуганная, зовёт маму, которой нет. — Там опять пришли к нам, давай ты успокоишься? А я тебе дам конфету. Посмотри мультик, пожалуйста. Я сейчас дверь открою и сразу приду.

Я вскакиваю, чуть не споткнувшись о стул. Бегу в коридор, открываю дверь, парень в оранжевой куртке суёт мне коробку с игрой для приставки. Я швыряю её на комод, даже не глядя, и расписываюсь в накладной.

Краем глаза замечаю движение у соседской двери — та же фигурка в чёрном худи, что вчера открывала подъезд. Но думать некогда — Викин плач тянет назад, как магнит.

Только закрываю дверь, как снова звонят — резкий, на-

стойчивый звук.

"Да что ж такое!" — думаю я, нервы на пределе.

Вика всё голосит, зовёт маму, и я не могу её успокоить. Лёха, пытаясь включить мультик, бормочет:

— Миш, я ж не знаю, что ей нравится! Она даже не смотрит!

Я рычу:

— Да делай что угодно, Лёх, только не стой столбом!

Открываю дверь и замираю. На пороге два полицейских, форма, суровые лица, один уже руку на рацию положил.

— Гражданин, — говорит старший, с погонами сержанта. — Поступил сигнал от бдительных соседей. Говорят, у вас ребёнок плачет, кричит, что над ним издеваются. Что тут происходит?

Я в шоке, челюсть чуть не падает. Издеваются? Это мы, что ли, над Викторией издеваемся?

— Да вы чего? — выпаливаю я, голос дрожит от злости и растерянности. — Это моя племянница, я за ней присматриваю! Никто её не трогает!

И тут на площадку выскакивает то самое "чёрном худи" — женщина, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок. Глаза горят, руки упёрты в бока, и она сходу выдаёт:

— Да этот ребёнок уже полчаса надрывается! — заявляет она, тыча пальцем в мою сторону. — Два мужика в квартире, а девочка маму зовёт! Что вы с ней делаете? Издеваетесь? Или, может, чужого ребёнка украли? Я слышала, как

она кричала "к маме" минут пять назад!

Я открываю рот, но слов нет, только охреневаю. Лёха, услышав шум, выглядывает из кухни, но Вика всё так же голосит, и я вижу, как соседка протискивается мимо меня в квартиру, не слушая возражений.

— Где девочка? — говорит она, шагая прямо на кухню. — Я сама посмотрю, что тут творится! Изверги, ребенка мучают!

— Эй, ты куда?! — продолжаю дальше охренивать от наглости "худи" — Паш, ты че молчишь? — обращаюсь к одному из ментов.

— Миш, сигнал поступил и мы обязаны были отработать. У нас в городе участились случаи пропажи детей. Подполковник сегодня в отделе. Сам понимаешь. — разводит руками мой хороший знакомый. — Давай разберемся и все. Иначе звонки не прекратятся.

Пашка закрывает дверь, ну конечно. В этой квартире он часто бывает. Все же... дружим со школы.

Но... "худи" этого знать не стоит.

— Посмотрите, как ребенок напуган и заплакан! — соседка уже в дверях кухни. — Малышка, что ты так плачешь, тебя дяди обидели? Иди ко мне, моя хорошая. Иди.

Вика моргает во все глаза, прекратив на мгновение плакать.

— К маме хочу, — вновь всхлипывает.

— А мы сейчас к твоей маме поедem, — не успокаивает-

ся эта “борец за справедливость”. Вика же уловив сказанное замолкает и внимательно на нас всех смотрит.

— Гражданочка, — обращаюсь к ней, — вы не так все поняли, это моя племянница.

— Не говорите мне ерунды! Что угодно нести будете, лишь бы свой зад выгородить! Товарищи полицейские, выполняйте свою работу пока девочка успокоилась!

Требует наглая девица.

— Племянница... Это что за бардак? — говорит она, поворачиваясь ко мне. — Почему ребёнок в таком состоянии? — шипит змеюкой. И с меня на Лешку взгляд переводит.

Лёха, растерянный, бормочет:

— Да мы не издеваемся, мы её осмотреть хотели! Она просто... боится всего! Не дает себя потрогать...

Ну всё... Приехали!

Сыночек для босса

Ника Лето

<https://litnet.com/shrt/dNeL>

Глава 9 Михаил

Вика всё ещё всхлипывает, её голосок, зовущий маму, эхом отдаётся в голове, и я стою, как дурак, между кухней и коридором, не зная, как разорваться.

Соседка в чёрном худи — эта боевой гном с горящими глазами: маленькая и свирепая, — тычет пальцем в нас с Лёхой, будто мы маньяки из кино.

Полицейские, Пашка и его напарник, топчутся у двери. Наш старый друг при этом, еле сдерживает улыбку, хотя ситуация — полная катастрофа.

Соседка, не унимаясь, протискивается в кухню, оглядывает всё с подозрением, и её взгляд цепляется за Лёхин докторский чемоданчик на полу.

— Да вы точно её похитили! — орёт она, тыча пальцем в чемоданчик. — Посмотрите, граждане полицейские, у них тут все инструменты! Извращуги!

Я чуть не задыхаюсь от возмущения. Извращуги? Это мы-то?

— Да вы чего несёте, дамочка? — рявкаю. — Это моя племянница! А чемоданчик — он врач, чёрт возьми!

Лёха открывает рот, но я его опережаю:

— Лёх, че молчишь?

Паша, кашляя в кулак, чтобы не заржать, поднимает руку:

— Гражданка, послушайте, — начинает он. — Давайте

разберёмся. Тут всё нормально, я знаю Михаила, хозяина квартиры, и Алексея, они не...

Но соседка его будто не слышит, тараторит, как пулемёт:
— Нормально? Ребёнок орёт, как будто его режут! Два мужика, чемодан с инструментами — вы что, слепые?

Я уже готов взорваться, но тут Вика, всё ещё всхлипывая, юркает за мою ногу, как лисичка в норку. Она вцепляется в мою штанину, прячется, но выглядывает одним глазом, косясь на соседку.

И та вдруг замолкает, будто кто-то выключил звук. Она смотрит на Вику, на её заплаканное лицо, и её взгляд смягчается, как будто злость испарилась.

Боевой гном медленно опускается на корточки, чтобы быть на одном уровне с Викторией, и начинает говорить тихо, ласково, как будто всю жизнь возилась с детьми:

— Эй, малышка, не бойся, — улыбается она, и голос такой тёплый... будто не возмущалась тут секунду назад. — Меня Гуля зовут, приветик. Это твой мишка? Какой он красивый, шерсть мягкая, да?

Вика мотает головой, но уже не так резко, и её глаза, всё ещё мокрые, внимательно следят за соседкой. Я стою, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот момент. Лёха тоже замер, да и бравые полицейские не шевелятся.

— А у меня дома есть такой же мишка, только серый, — продолжает соседка, улыбаясь шире. — Зовут его Пухля. А твоего как зовут?

Вика шмыгает носом, прижимает Потапыча сильнее, но отвечает еле слышно:

— Потапыц... — её голос дрожит, но она уже не кричит.

— Ой, какой Потапыч классный! — соседка хлопает в ладоши, будто это великое открытие. — Слушай, а хочешь, я тебе покажу Пухлю? Или конфетку дам, у меня есть вкусные, с клубничкой.

Вика моргает, смотрит на меня, потом на соседку, и её хватка на моей штанине слабеет. Она делает крошечный шаг вперёд, всё ещё держась за меня, но уже не прячется. Соседка продолжает:

— Вот молодец, смелая девочка. Как тебя зовут?

— Вика, — отвечает моя “сирена”

— Ты знаешь его? — показывает на меня пальцем “боевой гном”.

Вика, подумав, кивает и выходит вперёд, ближе к соседке. Я выдыхаю, чувствуя, как пот стекает по спине. Лёха шепчет:

— Миш, она волшебница, что ли?

Паша, видя, что Вика успокоилась, кашляет и говорит:

— Гражданка, ну что, видите, всё нормально? Девочка — племянница Михаила, я его знаю сто лет. Надо протокол составить, что вызов был, но претензий нет. Согласны?

Соседка смотрит на Вику, которая всё ещё держит Потапыча, но уже не плачет, а потом переводит взгляд на меня и Лёху. Её глаза всё ещё настороженные, но она кивает:

— Ладно, вижу, она за тобой пряталась, — говорит она,

глядя на меня. — Но всё равно, ребёнок в таком состоянии... Вы хоть знаете, как с детьми обращаться?

— Стараемся, — бурчу я, чувствуя, как злость на Семёна и Галю снова накатывает. — Её родители... в общем, бардак, вот и всё.

Она хмыкает, но больше не спорит. Потом поворачивается к Паше и говорит:

— Гуля. Зовут меня Гуля. — представляется, — Пишите ваш протокол, но я за девочкой пригляжу.

Паша достаёт планшет, мы быстро подписываем бумаги.

Наконец-то в квартире тишина, Викин плач стих, и она даже хихикает над чем-то, что Гуля ей рассказывает.

Полицейские уходят, Паша хлопает меня по плечу:

— Миш, созвонимся позже. Дел по горло.

— Подожди, — прошу его.

Мы с ним выходим в коридор, оставляя Лёху и Гулю с Викой на кухне. Я выдыхаю, прислоняясь к стене, и говорю тихо:

— Паш, я как раз собирался тебе звонить. Всё рассказать и попросить помочь найти Семёна с Галкой. Когда приехал к ним домой — никого, пусто, только Вика в шкафу сидела, голодная, грязная. Забрал её к себе, а родителей нет. Поищи их, пробей по базам, может, сидят где-то? Загрели за пьянку? А мы сегодня с Лёхой больницы прошерстим.

Пашка тоже в курсе какая у меня семейка.

Друг кивает, серьёзней:

— Ладно, Миш, разберусь. Если в вытрезвителе или за драку — найду. Позвоню, как что.

Он на секунду замолкает, смотрит жёстко:

— Официально докладывать не буду. Но по инструкции мы обязаны сразу дать сообщение в опеку. Так что шевелитесь: найдите братца с Галкой как можно быстрее, иначе девочку заберут.

Вакансия: Мама для Ягодки

Лена Грин

https://litnet.com/shrt/aF_E

Глава 10 Михаил

Я тихо захожу в зал, стараясь не спугнуть тишину, которая, чёрт возьми, наконец-то поселилась в квартире после всего этого цирка.

“Боевой гном” сидит на полу, скрестив ноги, и что-то весело рассказывает Вике, которая устроилась рядом, прижимая Потапыча к груди.

Малышка не боится, даже протягивает своего мишку Гуле, позволяя той потрогать его мягкую шерсть. Вика шмыгает носом, но глаза уже не такие заплаканные, и она даже хихикает, когда соседка делает вид, что Потапыч зарычал.

Лёха сидит на диване, как пришибленный, молча наблюдая за девочками, и я вижу, как он тоже удивлён этим чудом.

М-да брат, мы с тобой полные профаны...

Я чешу затылок, чувствуя, как в голове начинает гудеть от мыслей. Только сейчас до меня доходит, какой геморрой меня ждёт. И это после часового треша с истерикой племяшки.

Искать Семёна — это раз. Что-то делать с Викой — два. И, чёрт возьми, мои отгулы заканчиваются и скоро выходить на работу, а я даже не знаю, что будет дальше!

Если не найду Семёна и Галю, что тогда?

Вику заберут в приют?

Я на работе такого насмотрелся — дети, оставшиеся одни, пропадают в этих казённых стенах, где никто им не заменит

семью. Как бы прискорбно это не звучало!

Сердце сжимается от одной мысли, что эта малышка, которая только что начала улыбаться, может оказаться там.

Родственники!

Я перебираю в голове, кого знаю из родственников Гали. Но... никого. Она же издалека, из какого-то городишка, где, по словам Семёна, у неё никого нет. Сирота, вроде бы.

А Семён... Чёрт, у него тоже никого, кроме меня. Наши родители погибли пять лет назад — авария, грузовик на трассе, всё в один момент.

После этого Семён, долбанный лудоман, промотал всё, что от них ему досталось. Это вообще отдельная история!

Деньги, дачу, даже квартиру — всё проиграл в своих чёртовых ставках. Я тогда орал на него, чуть не прибил, но что толку? Он только обещал "завязать", а потом пропадал снова. Лудомания была заменена алкоголизмом. И я не знаю, что лучше даже! Все дерьмо!

И вот теперь — у меня Вика на руках, где искать этих горе-родителей я ума не приложу. Но идея с приютом морозом по коже проносится. Хрен там! Найду этих пропащих и душу из них вытрясу!

Тихий смех Вики выдергивает меня из мыслей. Она хихикает, глядя, как Гуля изображает, будто Потапыч танцует. Я смотрю на них, и Лёха, поймав мой взгляд, кивает, как будто мы думаем об одном и том же.

“Боевой гном” — наш шанс. Если она так ловко успокоила

Вику, может, она поможет уговорить её на осмотр? Лёха до сих пор не проверил её, а я знаю, что это надо сделать, но как? Вика шарахается от его чемоданчика, как от огня.

— Лёх, — шепчу я, наклоняясь к нему. — Видишь, она с соседкой ладит. Надо как-то её попросить, чтобы Вика дала тебе себя осмотреть.

Лёха кивает, но морщится:

— Миш, я чет уже очкую. Гуля капец какая резкая. Давай ты сам, договаривайся с ней, ищи общий язык как вас там учили на курсах. Дерзай.

Я хмыкаю, потому что он прав. Гном, хоть и смягчилась, но всё ещё косится на нас, как на подозрительных типов. И Вика ей доверяет, а это наш единственный шанс. Я смотрю на малышку, которая теперь тянет Гулю за рукав, показывая что-то на мишке, и думаю: "Чёрт, надо решаться." Только вот как подойти к этой боевой тётке и не нарваться на новый скандал?

Ну, здравствуй, папочка!

Саша Девятова

<https://litnet.com/shrt/dw9N>

Глава 11. Михаил

Делаю шаг вперёд, откашлявшись, чтобы привлечь внимание соседки и...:

— Эм, Гуля, слушай... Может, ты поможешь? Надо, чтобы Вику осмотрели, у неё ссадины, синяки на коленках... Алексей врач, но она его боится, как огня. А тебе она доверяет.

Гуля поднимает на меня глаза, и я на секунду теряю дар речи. Они у неё серые, светлые, прозрачные, как стекло, — будто смотришь в чистое озеро на закате. Красивые, чёрт возьми, таких я никогда не видел.

И губы её пухлые, чуть приоткрытые, пока она обдумывает мои слова, а уголки рта слегка подрагивают, будто она сдерживает улыбку.

Я моргаю, пытаюсь собраться, потому что сейчас точно не время пляться, но, блин, что-то в ней цепляет.

Может, дело в её резкости, которая теперь сменилась этой мягкостью, пока она с Викой возится?

— А почему вы педиатра не вызвали? — спрашивает она, прищурившись, но без той злости, что была совсем недавно. — Или в поликлинику не свозили? В больницу? Что за дела, Михаил?

Я вздыхаю, стараясь говорить тактично, чтобы не спровоцировать её снова. В голове мелькает мысль, что она, похо-

же, из тех, кто привык всё держать под контролем. Но... не на того напала, милочка.

— Понимаешь, у Вики... документов сейчас нет, — объясняю я, подбирая слова. — Я только сегодня собираюсь за ними, в дом её родителей. — если что то и найду... — Без документов в поликлинику не сунешься, сама знаешь, как у нас бюрократия работает.

Гуля хмыкает, но кивает, вроде бы поверив. Она смотрит на Вику, которая теперь тянет её за рукав, показывая, как Потапыч "спит", закрыв лапами глаза. Гуля смеётся тихо, подыгрывая:

— Ой, Вика, твой Потапыч уже дрыхнет? А ну, разбудим его! Он еще кашу не ел!

Вика хихикает, хлопает мишку по лапе, и тот "просыпается", а Гуля делает вид, что он рычит, как настоящий медведь. Малышка заливается смехом, и я чувствую, как внутри что-то оттаивает.

Кроха так улыбается искренне и лучезарно... И как ее куда-то отдавать? Пусть даже на время, пока я буду искать ее родителей. И еще понимаю, что мы бы с Лешкой сами точно не справились бы, без этого боевого гнома были бы совсем в тупике.

Лёха, услышав наш разговор, решает вставить свои пять копеек:

— Слушай, Миш, Гуля права. Реально лучше Вику педиатр осмотрит. Я как раз об этом думал. На работе коллегу по-

прошу — у нас в отделении есть детский специалист, Светлана, она в этом шарит. Но да, без документов — геморрой, так что лучше их найти.

Я киваю, радуясь, что у Лёхи хоть какой-то план.

Вика тем временем, видимо, устав сидеть на полу, тянет ручки к Гуле, и та, не раздумывая, сажает её к себе на колени. Малышка устраивается поудобнее, начинает играть с длинными тёмными волосами Гули, перебирая их пальчиками, как будто это игрушка. Гуля улыбается, наклоняясь к ней:

— Викусь, ты мне причёску делаешь? Хочешь, заплетём косичку Потапычу?

Вика шмыгает носом и кивает, её глаза блестят от восторга. Она берёт прядь Гулиных волос и пытается засунуть её за ухо мишке, что вызывает новый взрыв хихиканья.

Я смотрю на них и думаю: "Чёрт, да она правда волшебница." Лёха тоже пялится, как на чудо, и шепчет мне:

— Миш, что хочешь делай, но без женщины ты не справишься.

Но тут Лёхин телефон начинает трезвонить, громко и настойчиво, разрывая эту тёплую сцену. Он вскакивает, выходит из комнаты, и возвращается буквально сразу.

— Чёрт, это с работы. Миш, мне надо ехать, срочный вызов, в больнице завал.

— Серьёзно? — шиплю я, чувствуя, как нервы снова натягиваются. — Лёх, а Вика? Осмотр?

— Вернусь, разберёмся! Там авария серьезная, всех соби-

рают! — кричит он, уже хватая свой чемоданчик и вылетая в коридор. — Ну или позвоню.

Дверь хлопает, и я стою, открыв рот, думая: "Ну, спасибо, брат, удружил." Гуля, заметив мой растерянный вид, вдруг говорит:

— Слушай, Михаил, давай я с тобой поеду за документами? Вика со мной не плачет, с ней будет проще, если я рядом. Да и... — она смотрит на Кроху, которая теперь тянет её волосы, пытаюсь сделать "хвостик" Потапычу, — у меня пока что есть свободное время.

Я смотрю на неё, на Вику, и понимаю, что она права. Вика с Гулей более менее... ладит, а я один с малышкой в дороге или в доме Семёна могу опять нарваться на её истерику. И мой горе-помощник свалил...

— Ладно, — говорю я, чувствуя, как сердце колотится от смеси облегчения и нервов. — Поехали.

Гуля кивает, встаёт, аккуратно поднимая Вику на руки. Малышка цепляется за её шею, прижимая Потапыча, и Гуля ласково говорит:

— Викусь, поедem с дядей Мишей покатаемcя, а? Возьмём Потапыча, он нам поможет. Хочешь, в машине ему песенку споём?

Вика моргает, но кивает, её пальчики всё ещё теребят Гулины волосы. Я собираю ключи, телефон, и мы выходим из квартиры.

Внутри всё сжимается от мыслей о том, что вдруг я ни-

фига ничего не найду? И, чёрт возьми, что делать, если там ничего нет? Если Вику заберут в приют?

В машине Гуля садится на заднее сиденье с Викой, держит её на руках, и малышка устраивается поудобнее, болтая ножками и мурлыкая что-то невнятное Потапычу. Я завожу мотор, а Гуля вдруг говорит:

— Миша, надо бы детское кресло купить. Или в аренду взять. Нельзя так ездить, опасно. Вика же мелкая, а детей положено в кресле перевозить.

Я хмыкаю, глядя в зеркало заднего вида, где Вика уже во всю по сторонам головой крутит.

— Да, заедем в магазин по пути, — отвечаю я. — Купим всё, что нужно Вике — кресло, одежду, игрушки. Что там ещё надо, подскажешь? Я в этом ни черта не смыслю.

Гуля улыбается, но в её глазах мелькает что-то серьезное, почти тревожное. Она поправляет Вику на коленях, чтобы той было удобнее, и говорит:

— Подскажу. Ей ещё питание нормальное нужно, горшок, шампуни и по мелочи.

Я киваю, чувствуя, как её слова добавляют ещё один пункт в мой и без того бесконечный список дел.

Мы подъезжаем к обшарпанному барaku Семёна, и Гуля вдруг спрашивает, её голос становится тише:

— Миша, а что с родителями Вики? Почему она у тебя?

Я вздыхаю, паркуясь у двора, который выглядит так, будто его не ремонтировали со времён царя Гороха. Пытаюсь

ответить коротко, но внутри всё кипит:

— Брат мой сводный, Семён, и его жена Галя, эм... — пытаюсь подобрать более менее цензурные слова, — не очень благонадежные скажем так. Я был в командировке две недели, вернулся — их нет, дом пустой, Вика одна в шкафу сидела, голодная, грязная. Забрал её, а теперь ищу этих родичей. Надеюсь, что за сегодня я решу и этот вопрос.

Гуля молчит, глядя на Вику, которая уже задремала на её руках, прижимая Потапыча. Её лицо смягчается, и она тихо говорит:

— Бедная малышка... как так можно?

Я смотрю на них в зеркале и думаю: "Может, этот боевой гном и правда спасение?"

Но впереди берлога Семы, и, чёрт возьми, я понятия не имею, что там ждёт. И лучше будет если...

— Гуль, вы тут посидите, а я сейчас быстренько сбегать найду доки и вернусь.

Ищу маму себе и папе

Мари Дион, Вильда Кранц

<https://litnet.com/shrt/iECH>

Глава 12. Михаил

В доме Семёна опять вонь несусветная. Дверь скрипит, как в дешевом ужастике, и я морщусь, прикрывая её за собой. Внутри — бардак, что не удивительно. Это я уже видел вчера. Удивительное чувство дежавю, жаль только, что я стал участником сего действия.

Но что-то в этом бесконечном сраче не так. Шкафы в коридоре нараспашку, ящики выдвинуты, какие-то бумаги валяются на полу. Та же самая картина в зале и на кухне. Кто-то тут был. Искали что-то. И, судя по всему совсем недавно, возможно, я их спугнул...

Или... искали кого-то? Мысль обжигает, как кипяток: искали Вику?

Я замираю, чувствуя, как кровь пульс в висках стучать начинает. Сердце колотится, а по спине ползёт холодный пот.

Если бы я не успел, если бы не забрал её из того шкафа, где она сидела, голодная и перепуганная, что тогда? Кто-то рылся тут, переворачивал всё вверх дном...

Чёрт, от одной мысли горло сжимает, как тисками. Я вытираю пот со лба, ладонь дрожит. Гнев накатывает волной, на Семёна, на Галю, на этот долбаный мир, где ребёнка оставляют одного в такой дыре и не в безопасности. А если бы её нашли? Кто? Зачем? Сжимаю кулаки, от переполняющих меня эмоций.

Это ж пздц какой-то!. Семён, сука, где ты? Ну не мог же ты по своему дому шариться, а потом свалить? И даже не побеспокоиться о том, где твой ребенок?!

А это значит... что это был не Семка. Ну не совсем же он все мозги пропил или проиграл?!

Галя, где ты документы прячешь? Хм... пытаюсь в женскую голову влезть и поразмыслив держу курс на кухню, оглядываю ее более детально. Банки с сахаром, солью, чаем стоят на полке, открываю каждую поочередно - документов там нет. И знаю, что ни черта тут не найду... Всё равно проверяю, открываю еще банки, каждую, роюсь пальцами в крупе, как идиот. Пусто. Окей, трюк с кухней не прошел.

В спальне тот же хаос: матрас сдвинут, ящики комода вывернуты, какие-то старые квитанции валяются на полу. Я роюсь в них, но это всё мусор: счета за свет, реклама казино, чек из алкомаркета.

"Семён, млять, ты серьёзно?" — я недоумеваю.

Если документов нет, если их забрали, или они пропали, или... Чёрт, я даже не знаю, что хуже. Дальше что делать? Походив и порывшись еще, понимаю, что это бесполезно.

Возвращаюсь к машине. В голове крутится одно: "Кто тут был? И зачем?" Гуля сидит на заднем сиденье, Вика у неё на коленях, уже проснулась и увидев меня замирает. Гуля тоже смотрит на меня, её серые глаза внимательно осматривают и ищут ответ в моих, но... сказать мне нечего.

— Ничего, — отвечаю сразу же как сажусь в машину. —

Все обыскал, нет их.

Девчонки обе притихли. Завожу авто и разворачиваюсь, держа курс в город.

— Викуша кушать хочет, — говорит Гуля, поглаживая малышку по голове. — Она тут талдычила: кушать-кушать да, Викусь?

Вика кивает, прижимая мишку:

— Да, кусать хочу.

Я хмыкаю, пытаюсь улыбнуться, но выходит криво.

— Ладно, поехали в торговый центр. Там рядом с детскими магазинами есть кафешка с детской зоной. Заодно кресло купим, одежду, всё, что надо.

Хотя бы так. Пусть план будет вот таким. А дальше все решим.

Гуля кивает, поправляя Вику, которая начинает напевать что-то невнятное, размахивая лапами Потапыча.

В машине всю дорогу тишина, только Вика мурлычет свою песенку, а я пытаюсь упорядочить мысли о том, что видел в доме.

Кто там рылся? Семён? Галя? Или кто-то другой? И почему, чёрт возьми, они не искали Вику? Гнев снова накатывает, и я сжимаю руль так, что костяшки белеют. Этот лудоман, этот алкаш... Как он мог оставить дочку одну? А если бы я не приехал?

У торгового центра я паркуюсь, и мы идём в кафешку. Вика не отходит от Гули, цепляется за её руку, держа Потапыча

в другой. В детской зоне яркие столики, игрушки, какие-то цветные кубики, но Вика даже не смотрит туда. Да и пусто там, детей нет.

Она садится рядом с Гулей, прижимаясь к ней.

— Что будем? — спрашиваю девчат. Гуля забрав меню выбирает сырники и блинчики для Вики. И ничего для себя.

— А ты, выбирай. — настаиваю, придвинув обратно папку с фото блюд.

— Нет, спасибо, я не голодна. А вот кофе... — опускает глаза, стараясь на меня не смотреть.

— Окей.

Подзываю официанта и к списку выбранного добавляю свой кофе и наполеон для Гули. Ну все девочки любят сладкое. В этом я уверен на сто процентов. К тому же надо как-то ее отблагодарить за помощь, а я нихрена не знаю как это сделать...

Гуля, заметив, что Вика начинает ёрзать, наклоняется к ней и шепчет:

— Викусь, хочешь посмотреть игрушки вон там? — кивает на детскую зону, где на полках лежат разноцветные кубики и пара плюшевых зверюшек. — Пойдём, выберем что-нибудь и поиграем?

Вика кивает, её глаза загораются, и она тянет Гулю за руку, чуть ли не подпрыгивая.

— Подём! Мне надо иглушки!

Я смотрю, как они идут к детской зоне, и не могу отвести

глаз от Гули. Она смуглая, кожа будто тёплого бронзового оттенка, а её серые глаза, прозрачные, как стекло, кажутся ещё ярче на контрасте. Нос аккуратный, чуть вздёрнутый, а губы... пухлые, сочные, такие, что невольно задерживаешь взгляд.

Под её объёмным худи угадывается стройная фигурка, талия тонкая, а длинные тёмные волосы, которые Вика так любит теревить, струятся почти до поясницы, покачиваясь при каждом шаге.

Чёрт, “боевой гном” реально красивая, но так занята Викой, что даже не замечает, как я на неё пялюсь. И это к лучшему — не хватало ещё, чтобы она опять меня за извращугу приняла.

Вика тянет её к полке с игрушками, что-то лопочет про “домик для Потапыща”, а Гуля смеётся, подхватывая её игру.

Я сижу за столиком, и в груди что-то шевелится — то ли благодарность, то ли ещё что-то, чего я пока не хочу называть. Они возятся с кубиками, Гуля строит башенку, а Вика тут же её рушит, хихикая. Я невольно улыбаюсь, но мысли о квартире Семёна не отпускают. Кто там был? И где, млять, документы?

Официант приносит заказ: сырники и блинчики для Вики, кофе и наполеон для Гули. Я киваю ему, и он уходит. Гуля, заметив еду, ведёт Вику обратно к столу. Малышка плюхается рядом с ней, прижимая Потапыча, и сразу тянется к сырникам.

— Викусь, давай я помогу, — предлагает Гуля, беря ложку.

— Не-е, сама! — упрямится Вика, хватая сырник руками и запихивая его в рот. Творог крошится, щёки пачкаются, но она жуёт с таким серьёзным видом, что я чуть не смеюсь.

Гуля смотрит на неё, и её лицо смягчается, глаза сияют такой искренней теплотой, что я невольно замираю.

Она убирает крошки с Викиного подбородка салфеткой, а потом резко поднимает взгляд и ловит мой.

Я, чёрт возьми, пялюсь на неё, как дурак, и, конечно, в этот момент делаю глоток кофе. Горячий, зараза! Я давлюсь, кашляю, чуть не роняя чашку, ну не debil ли?

Гуля прищуривается, а её губы дёргаются в лёгкой улыбке — поняла, что я на неё глазел.

— Миша, ты там в порядке? — спрашивает она, и в голосе сквозит лёгкая насмешка.

— Ага, — бурчу я, откашлявшись, и тут, как спасение, звонит телефон. Я хватаю его, бормоча:

— Извини, надо ответить.

Отхожу к окну, чувствуя, как уши пылают. На экране — номер Паши. Сердце ёкает: может, нашёл Семёна? Или ещё что-то? Я нажимаю "принять", но в голове всё ещё Гулины глаза и Викин смех. Чёрт, надо сосредоточиться.

Научу быть папой

Мира Спарк

<https://litnet.com/shrt/d6Iy>

Глава 13. Михаил

— Миш, я по отделам всё просмотрел, по свежим ориентировкам тоже пусто, — голос Паши в трубке звучит, как приговор.

Я слышу, как он листает что-то, наверное, бумаги на столе.

— В посёлке Семёна за последние дни три вызова было. Один, прикинь, прямо на его улице, но там приняли четверых, пьяная гулянка, обычное дело. Никто из них на Семёна по описанию не тянет. Ещё один тип с колото-резаной раной в больницу загремел, но тоже не он, я уточнил.

Я молчу, чувствуя, как внутри всё холодеет. Ни Семёна, ни Гали. Пусто. Как будто они сквозь землю провалились.

— Ладно, Паш, спасибо, — выдавливаю я, с непонятным чувством в груди. — Поузнавай ещё, если что.

— Само собой, — отвечает он. — Я ещё по больницам пробью, может, где-то всплывут. Позвоню.

Я кладу трубку и стою ещё секунду, глядя в окно. В голове крутится: "Где вы, черти?" Мысль о том, что кто-то рылся в доме брата, не отпускает. Если не они, то кто? И зачем? Страх за Вику снова вспыхивает, но я встряхиваю головой, пытаюсь собраться. Надо двигаться дальше.

Возвращаюсь к столу, где Гуля и Вика сидят, доедая обед. Вика, вся перемазанная, держит Потапыча, а Гуля вытирает

ей щёки салфеткой, что-то ласково приговаривая. Я ловлю её взгляд, те самые серые, прозрачные глаза, и быстро отвожу свои, чтобы не повторить позор с кофе.

— Ну что, за покупками? — спрашиваю, стараясь звучать бодро, и оплачиваю счёт, который официант уже принёс.

Гуля кивает, а Вика, услышав про покупки, моргает и прижимает Потапыча крепче. Мы выходим из кафешки, направляясь в большой детский магазин на втором этаже торгового центра.

В магазине Вика превращается в маленького совёнка: огромные глаза бегают по сторонам, цепляясь за яркие коробки, плюшевых зверей, кукол с длинными волосами.

Но она молчит, ничего не просит, только крепче прижимает своего чумазого, рваного Потапыча к груди, будто боится, что и его заберут. Я смотрю на неё, и сердце сжимается. Вспоминаю квартиру Семёна - этот бардак, пустые бутылки, сухари, окурки, но ни одной игрушки. Ни одной, чёрт возьми! Куда игрушки-то подевались? Ведь в мои прошлые визиты я точно видел у нее какие-то игрушки! И ощущение сейчас такое складывается... хреновенькое. Как будто у Вики никогда не было детства. Только этот потрёпанный мишка, её единственный друг.

Я не выдерживаю. Подвожу Вику к полке с куклами, на которых она засмотрелась, там стоит одна, с длинными светлыми волосами и голубым платьем.

Присаживаюсь перед Викой на корточки, чтобы быть на

одном уровне, и говорю мягко:

— Викусь, посмотри, какая кукла. Красивая, да? Ей дом нужен. Давай к нам заберём?

Вика моргает, её глаза округляются, но она не решается. Она смотрит на куклу, потом на Потапыча, потом на меня. Её пальчики теребят мишкину лапу, и я вижу, как она раздумывает.

— Мне? Ляля? — спрашивает она тихо.

— Да, твоя ляля, — говорю я, чувствуя, как горло перехватывает. — Бери, Викусь.

Она медленно, будто боясь спугнуть момент, тянет ручки к кукле и прижимает её к себе так нежно, как будто это живая. Гуля, стоя рядом, улыбается, её глаза блестят, и я вижу, что она тоже растрогана.

— Молодец, Викуша, — говорит Гуля, поглаживая её по голове. — Теперь у Потапыча подружка будет.

Вика кивает, прижимая к себе и куклу, и мишку, и что-то бормочет, называя куклу "Ляля". Я встаю, чувствуя, как внутри теплеет, несмотря на весь этот бардак с Семёном и документами.

Мы обходим магазин, и я нагружаю корзину: автокресло, горшок, несколько комплектов одежды: тёплые штаны, куртка, шапка, носки, всё, что Гуля подсказывает. Она шарит в этом лучше меня, а я только киваю, как болванчик, стараясь не упустить ничего важного. В итоге Гуля замечает коляску для кукол: яркую, розовую, с маленькими колёсиками.

— Вика, смотри, твоей Ляле коляска нужна, — говорит она, подмигивая.

Вика загорается, тянет её за руку:

— Да-а, Ляле надо! И Потапыцу!

Я хмыкаю, но соглашаюсь. Мы выходим из магазина с целой кучей пакетов: гардероб для Вики, горшок, автокресло и эта самая коляска.

Крошка гордо катит её, усадив туда Лялю, а рядом сидит Потапыч. Она что-то напевает им, так нежно и трогательно...

Гуля идёт рядом, помогая нести пакеты, и я ловлю себя на мысли, что без неё бы я точно не справился. Но в голове всё ещё Пашины слова: "По ориентировкам пусто." Где Семён? Где Галя? И кто, чёрт возьми, рылся в их доме? Я сжимаю ручку пакета, чувствуя, как злость возвращается. Надо найти их и побыстрее. Опять же, Пашкины слова про опеку. Какой детский дом для нее?

Папа поневоле

Ирма Шер, Дина Лазарева

<https://litnet.com/shrt/mIG6>

Глава 14. Михаил

Раскладываю покупки по полочкам в зале, Вика на полу играет с новой куклой, то усаживает ее в коляску, то Потапыча туда сует, Гуля помогает мне разобраться. Попросил ее, ну потому что я фиг его знает, что с этим всем делать!

— Миша, запоминай, — говорит она, напоминая мне учительницу начальных классов. — Это бальзам. Наносишь на волосики Вике после шампуня, втираешь легонько, потом смываешь. Обязательно смываешь. Запомнил?

Я чешу затылок, глядя на бутылочку, что идентична второму бутылку. — Запомнил, — киваю я, но тут же хмыкаю. — Слушай, Гуль, ни фига себе, столько средств с самого детства? Это что, теперь каждый день шампунь, бальзам, еще что-нибудь?

Гуля смеется, ее серые глаза искрятся.

— Миша, это ж девочка! Надо, чтобы красивая была, ухоженная. Не то что вы, мужики, — мыло да вода, и готово. Ее и расчесывать легче будет.

— Ладно, постараюсь запомнить. И не перепутать.

Продолжаю раскладывать: носки, штаны, футболки, пару кофт, куртку. Гуля объясняет, как стирать детские вещи. Я киваю, но половины не запоминаю. Без нее бы я точно пропал. Вика, спокойно сидит на полу, напевает что-то, и я слышу, как она называет куклу «Ляля», а Потапыча — «двужо-

чек». Милая до невозможности! И так заботливо с игрушками.

— Так, ну... дальше уж без меня. — соседка поднимается с дивана. — У меня еще работа. Викусь, — присаживается рядом с Викой, я у тебя возьму Потапыча? Постираю его, полечу и принесу. Хорошо?

Вика чуть пораздумав, отдает ей плюшевое нечто. Причем спокойно. И продолжает играть с куклой.

Гуля засунув подмышку медведя, поворачивается ко мне. И... неловко улыбнувшись...

— Я его заберу, — говорит она. — Зашью, постираю, завтра принесу чистого и целого. А то как-то он плохо выглядит. И... ты не против, Михаил, если я завтра зайду к Вике?

Она смотрит на меня выжидающе, и я вижу, как ей важно это. Что.. слегка для меня странно. Ведь знакомы мы всего один день. И вообще непонятно как она оказалась в соседней квартире, там раньше парочка молодая жила.

— Конечно, не против, — отвечаю я. — Приходи, Гуль. Вика будет рада.

— Ладно, пока...?

И я отвечаю такое-же “пока” хотя, в груди странно шкребут кошки. Мне же с ней легко сегодня было, она помогала и отлично ладит с племяншкой. И.. это первая женщина которую мне не хотелось побыстрее выставить из своей квартиры, а... наоборот.

Я провожаю ее до двери, и возвращаюсь на кухню. На-

до готовить ужин. Открываю холодильник, достаю картошку, сосиски. Пюре и сосиски — это я могу. Чищу картошку, ставлю воду, но мысли где-то далеко.

Я беру телефон, начинаю обзванивать больницы, пока картошка варится. В одной пусто. В другой ничего. В третьей тоже глухо. Везде одно и то же: «По вашим приметам никого». Я сжимаю телефон, чувствуя, как злость и тревога смешиваются в груди в большой ком.

Что делать? На работу скоро... а если я не найду их?

— Миса, пить хотю. — Отвлекает племяншкин голос. Наливаю ей воды.

— Скоро кушать будем, Викусь, — улыбаюсь ей и по волосикам рукой провожу. — Пюре и сосиски, будешь?

Когда малышка убегает играть в зал, звоню в последнюю больницу.

— Есть одна женщина, без документов, похожа по описанию. В реанимации, без сознания. Приезжайте, посмотрите. Галка?

— Сегодня могу?

— Да, до семи вечера врачи на месте.

Надо ехать. Но тащить ребенка в больницу... тем более если там реально Галка лежит. Ребенка пугать и расстраивать? Нет, точно этого делать не стоит. Стою, застыв с ложкой в руке, и смотрю на Вику, которая в зале с игрушками возится.

С кем ее оставить? Гуля единственный вариант. Не нагло

ли это будет выглядеть? Она ушла только, а тут я опять на пороге. Но... как там говорят? Наглость второе счастье... а больше Вика ни с кем не останется.

Торг с совестью был недолгим.

Я беру ключи, говорю Вике:

— Викусь, я на минутку, сейчас вернусь. Играй, хорошо?

Она кивает, не отрываясь от куклы. Я выхожу, звоню в дверь Гуле. Спустя минуту с той стороны:

— Кто?

— Это Михаил. Сосед, — отвечаю. Странно же, не? В подъезд через домофон чужие попасть не могут.

Щелкают замки, дверь открывается. Гуля стоит в шортах и футболке, волосы длинной волной лежат на одном плече. Я невольно скольжу взглядом: худенькие ноги, хорошая фигура. Черт, опять меня несет. Но она и правда... ничего.

— Миша, а я как раз хотела к тебе идти, — говорит она, чуть улыбаясь. — Я тут решила Потапыча зашить сначала и кое-что в нем нашла.

— Что нашла?

Бесплатно

Внимание! Мы ищем маму

Милана Лотос

<https://litnet.com/shrt/IyEW>

Глава 15. Михаил

Она суёт мне в руки какой-то свёрток. Маленький, плотный, завернут в застиранный лоскут, внутри шуршит пакет. Я верчу его в пальцах, хмурюсь, что за хрень?

— Это что такое? — спрашиваю, поднимая глаза и вопросительно пялясь на неё.

Её серые глаза смотрят прямо.

— Разверни, — говорит, пожав плечами. — Нашла в Потапыче, когда зашивать начала. Не смотрела, что там, не моё дело. Просто подумала, вдруг это важно.

Я киваю, чувствуя, как в груди что-то ёкает — благодарность, что ли? Она могла бы сунуть нос, как поступили бы некоторые, но не сунула. Почему то в голову сейчас лезет именно образ бывшей. Зачем-то сравниваю...

Гуля простая, без понтов, не то что Катя, вечно лезла, куда не просили, и требующая бриллианты за каждый чих. Даже это меня раздражало!

— Спасибо, Гуль, — бурчу, сжимая свёрток. — Серьёзно, выручила.

Слова выходят глухо. Она стоит напротив — в домашней футболке, босиком, пальцы ног двигаются, будто проверяют, тёплый ли пол. Волосы спадают на плечо тяжёлой волной, и на секунду мне хочется взять и убрать выбившуюся прядь за ухо.

Стоп.

Я буквально силой вытаскиваю себя из её улыбки и вспоминаю, зачем пришёл.

— Слушай... — прочищаю горло. — Я же как раз к тебе шёл попросить. На час-два посидишь с Викой? Позвонили из больницы: женщина без документов, приметы сходятся. Может быть Галя. Я не хочу тащить Вику туда.

Гуля не морщится, не ахает. Просто смотрит на меня явно взвешивая в голове все «за» и «против».

— На час-два — посижу, — коротко кивает. Голос деловой, без кокетства. — Только телефон держи под рукой. Мало ли.

Я провожу ладонью по затылку, собираю мысли в кучку.

— Конечно. Номер мой у тебя есть?

— Нет. Диктуй, — щёлкает по экрану.

Говорю ей свой номер и она вбивает его в контакты.

— Готово.

Перехватываю у неё свёрток, разворачиваю на тумбочке. Застиранный лоскут, шуршащий пакет. Бумаги внутри сложены аккуратно.

Разворачиваю — и у меня реально шум в ушах: свидетельство о рождении Вики. Полис. Полезная, чёрт возьми, макулатура, от которой зависит, пустят нас в педиатрию или отправят «сначала возьмите бумажки там-то».

— Чёрт... То, что надо, — шепчу. Горло стянуло. — Почему в мишке?

Понимаю, что спросил вслух. Глупость же несусветная. Или прятали в спешке? В детскую игрушку. Каковы шансы, что документы оказались здесь случайно? Очень мизерные.

Кто-то искал именно документы. Тогда то, что они у нас, — удача уровня «не сгорел дом». Но это значит, что за документами, возможно, придут ещё раз. В дом. Или... сюда. Сжимаю челюсть.

— Сфоткай, — Гуля наклоняется ближе, и меня обдаёт приятным запахом, что-то цветочное. — В телефон. На случай, если оригинал опять «исчезнет».

Фотаю, сохраняю. Прячу оригиналы во внутренний карман куртки, будто туда пуленепробиваемый сейф вшит. К сердцу. Так спокойнее, да.

— Потапыча пока заберу, — напоминает Гуля, прижимая к боку мишку, уже с наколотыми булавками по шву. — Зашью, помою. Вике скажем, что он пошёл «к доктору лечить лапку». Верну завтра утром, до завтрака.

— Прокатит, — криво улыбаюсь. — Она в квесты верит. Ещё и наградит его кружкой сока «за храбрость».

— Пошли, — напоминает Гуля. — Тебе же бежать надо.

Идём ко мне. Дверь скрипит, я автоматически тише ступаю, как дома в детстве, когда отец спал между сменами. Вика на ковре — маленькая, в моей футболке до колен, катает Лялю в розовой колясочке, под нос тянет какую-то придумку про «Потапыч и Ляля поехали в магазин». Поднимает голову и сразу улыбается Гуле.

— Миса, а где Потапыц? — губа дрожит, руки машинально ищут знакомую лохматую тушу.

Гуля приседает с ней вровень.

— Потапыч у доктора, лапку чинит, — говорит серьёзно, как будто у нас не тканевый мешок с синтепоном, а пациент в операционной. — Завтра вернётся чистый и храбрый. А мы пока Лялю спать уложим, а?

Вика моргает, переваривает. Вижу, как в эти три секунды в ней борется паника и доверие. Кивает.

Шаг и она уже устраивается у Гули на коленях, крохотной ладошкой берёт толстую прядь её волос и начинает «заплетать». Спина у меня расслабляется только теперь, даже не заметил, как всё это время держал корпус как на пожаре.

— Я быстро, — говорю торопливо. — Если что — звони.

— Езжай, Михаил, — отвечает она, уже осторожно разбирая Викины колтуны пальцами, как рыболов сеть. — И не торопись. Узнай там всё как следует.

— Привезу пирожное, — срывается автоматически, потому что мозг пытается загладить свою вину. Оторвал Гулю от дел...

— Не пирожное, — поднимает взгляд, бровь дугой, но в глазах тепло. — Возьми кефир и бананы.

— Есть, начальник, — хмыкаю, проверяю карман с документами ещё раз, потому что доверяю себе меньше, чем ей, и ловлю странный внутренний щелчок: всё по делу, без истерик, без лишней воды. План есть.

На пороге оборачиваюсь. Картинка простая, а душу цепляет.

Вика, устроившись на полу, пихает Ляле пальцем в нос, Гуля смеётся и изображает голосом какого-то гнусавого медведя. И так уютно от этого.

Будто это не мужская берлога, а самый настоящий дом. Я ловлю себя на том, что хочу удержать момент. Запомнить его.

Коридор встречает привычной прохладой. Лифт где-то посапывает, старый. Я закрываю дверь, и меня тут же накрывает волной анализа — то ли от профдеформации, то ли просто мозг, наконец, получил опору и включился.

Документы лежали в Потапыче. Не помятые, не слипшиеся, как если бы они там жили месяцами. Сложены ровно, пакет чистый. Значит, засунули их туда недавно.

Кто? Семён? Галя?

Если Галя — это может быть паника: прячет «главное» туда, куда никто не додумается заглянуть. Если Семён — может быть долговая паранойя: «чтобы не нашли приставы/урки».

Оба варианта — хреновые. Оба — про страх.

И оба не объясняют, почему дом перевёрнут и кто шарил в шкафах. Искали деньги? Искали ребёнка? Искали то, что нашли мы — документы? А если искали Вику — откуда знали, что она одна? Кто рассказал? Или кто-то помог исчезнуть ее родителям?..

Холод по позвоночнику. Я стискиваю ключи до хруста, потому что внутри поднимается соблазн — развернуться, спрятать Вику от мира. Защитить.

Но у меня нет такой роскоши. У меня «час-два», которые Гуля мне подарила, как кислородную маску.

И есть крохотная девочка, которая впервые за черт знает сколько смеялась. Всё. Этого достаточно, чтобы идти напролом.

Папа: миссия (не)выполнима

Алиса Марсо

<https://litnet.com/shrt/DSf9>

Глава 16. Гуля

Дверь за Мишей хлопает, и я остаюсь с Викой в его квартире — такой...настоящей мужской берлоге, где пахнет кофе и мужским парфюмом.

— Викусь, давай поиграем? Пока дядя Миша по делам? Что Ляля хочет?

Вика моргает, ресницы трепещут, как крылышки, и кивает, подползая ближе. Щёчки розовые, светлые волосики в беспорядке, но когда она улыбается, показывая ямочки, это чистая милота. Нежность сплошная, как солнышко после дождя - теплая девчущечка.

— Тётя, Ляля хочет гулять! — говорит она, и её голосок звенит, с мягкими "л" вместо "р". Прикольно так!

Я смеюсь, поправляя её:

— Викусь, не тётя, зови меня Гуля. Просто Гуля, ладно?

Она морщит носик, будто пробуя имя на вкус, и кивает:

— Гу-уля! Ляля хочет гулять, Гу-уля!

Я подмигиваю, чувствуя, как тепло разливается в груди. Вот так, малышка, просто Гуля. Никаких "тёт", я же не старушка с базара. Я беру её коляску, поправляя Лялино голубое платьице:

— Давай ей сначала домик построим?

Вика загорается, вытаскивает куклу из коляски, пальчики аккуратно поправляют ей платье, будто та живая, и я чув-

ствую, как сердце сжимается.

Какая хорошенькая, улыбчивая и светлая девочка, как можно такую обижать?

Вспоминаю, как Миша говорил про ее дом и понимаю, что он скупо обрисовал картину, а что там было на самом деле даже думать не хочу! Никаких нервов не хватит!

Внутри и так всё кипит. Хотя они совершенно чужие мне и незнакомые люди. Но мимо пройти невозможно. Где её родители? Но тут же себя осаживаю. Не моё дело. Ты тут, чтобы помочь. И не суй, Гулька, нос туда, куда не стоит! Своих проблем выше крыши.

Из подушек громаздим домик, крышу из покрывал делаем. И... готово! Малышка от восторга пищит. То что нужно.

Чуть хаоса навели, но это не страшно. Все потом уберем.

Пока Вика гнездится с куклой в понарошечном домике, я оглядываю квартиру. Ну... одним глазом. Любопытство берёт верх – интересно, как живёт этот медведь.

Зал простой: диван, телевизор, полка с парой книг, пробегаюсь пальцами по корешкам - фентези про нашумевших на весь мир орков. Старые журналы про авто и финансы.

Всё чисто, по-мужски аккуратно, но без уюта: ни цветов, ни статуэток или ... каких-то приятных глазу мелочей, что создают уют. Похоже, тут только Миша и живет, делаю вывод. Женщины нет.

Если Вику придётся ему оставить, как он справится? Кто будет с ней играть, заплетать косички? Да с ребенком столько

времени проводить нужно. Заниматься, играть, гулять. И дети часто болеют. Кто мужику больничный даст? Я хмурюсь, понимая какая перспектива вырисовывается.

— Пойдём, Викусь, руки мыть, и кушать пора, — говорю я, поднимаясь.

Мы идём в ванную, я держу её за руку, чтобы не шлёпнулась. Ванная строгая: мыло, шампунь, пара полотенец, всё на местах. Ни крема, ни духов — ничего женского. Похоже, тут правда только Миша. Я включаю воду, помогаю Вике намылить ладошки, а она хихикает, брызгая на Лялю.

— Викусь, Лялю не мочим, она же в платье! — смеюсь я, вытирая её руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.